

Переполненная чаша

Гофф И.

От автора

В рассказе Чехова «Дама с собачкой» я очень люблю то место, где Гуров и Анна Сергеевна приезжают в Ореанду.

Они сидели на скамье, смотрели на море и молчали.

«Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет».

Читаю и всякий раз испытываю волнение.

Может быть, потому, что это состояние пережито не только Гуровым, но прежде всего самим Чеховым. Это щемящее «когда нас будет», куда Чехов включил и себя и нас с вами... Оно так знакомо каждому, кто был у моря и слушал его равнодушный глухой шум.

Мир меняется, но человек сохраняет в себе главное — человеческое, и тончайшие движения его души неизменны.

Мы часто обращаемся мыслями к Чехову. К его книгам и самой личности. К Чехову, настолько не любившему наставительного тона, что многие современники не замечали идеи его произведения, считали, что она просто отсутствует, а его самого называли писателем без идеи и направления. Сейчас нам кажется это почти невероятным — читатель неизмеримо вырос и научился прочитывать идею, заложенную в образе, в самой ткани вещи.

И вот Чехов со своей нелюбовью к поучениям остается для нас очень близким. Не потому ли, что во всех его зрелых произведениях нет четко сформулированного вывода — *resumé*? Это разрешает каждому взглянуть на прочитанное по-своему.

«Там же все написано», — отвечал он Качалову на вопрос, как надо играть Тригорина. Так он мог ответить критику и читателю, буде они обратились бы к нему с вопросом о его авторском отношении к выведенному в рассказе.

Чехов не любил поучать в своих рассказах и повестях. Но в его письмах мы находим множество советов по самому разному поводу — советы житейские, медицинские, литературные. Впрочем, часто и они снабжены шуткой, оговоркой вроде: «Когда критикуешь чужое, чувствуешь себя генералом».

Выделяются его письма к братьям Александру и Николаю. Написанные в воспитательных целях, они представляют собой свод жизненных правил, коими, по мнению Антона Павловича, должен руководствоваться культурный человек. (Тут нельзя не вспомнить замечательное письмо Александра Сергеевича Пушкина, адресованное младшему брату Льву на пороге его самостоятельной жизни.) Письма Чехова братьям резки и серьезны. В них отчетливо выступает другой — мужественный и твердый Чехов. Этого Чехова знают меньше, чаще говорят о мягком, чуть ироничном, задумчивом. А на деле то был стержень, основа.

Именно этот мужественный Чехов пересек Россию, затеяв трудную поездку на торговый в ту пору Сахалин.

Именно этот Чехов выходит из Академии, узнав, что из нее исключен только что принятый Максим Горький. Именно этот Чехов рвет с реакционным «Новым временем» и отходит от Суворина, с которым был связан годами дружбы. «Воля чеховская была большая сила, — вспоминает его современник писатель Потапенко, — он берег ее и редко прибегал к ее содействию, и иногда ему доставляло удовольствие... переживать колебания, даже быть слабым.

Но когда он находил, что необходимо призвать волю, — она являлась и никогда не обманывала его. Решить у него — значило сделать ».

У Потапенко же находим:

«...все было пережито им — и большое и ничтожное. И если полноте переживаний часто мешали его осторожность и как бы боязнь взять на себя всю ответственность, то причиной этого был талант.

Но Чехов-человек страдал от этого».

Он страдал от болезни, одиночества. Часто от непонимания. Но научился скрывать это даже от самых близких. Таким он воспитал себя.

В письме брату Николаю Павловичу (Москва, 1886) он, перечисляя по пунктам свои требования к воспитанному человеку, пишет: «Они (воспитанные люди.— И. Г.) не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают. Из уважения к чужим ушам они чаще молчат». Требования, предъявляемые другим, он прежде всего предъявлял себе самому. В силу этой причины многое в его жизни остается еще нераскрытым. В том же письме он пишет брату, что воспитанным людям нужно от женщины: «Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть матерью...» Замечено, что 1898 год был для Чехова необычайно плодотворным. До этого тоже было особенно «урожайное» для него время, когда появились повесть «Степь», пьеса «Иванов» и несколько водевилей. Возможно, это было вызвано известным письмом Григоровича, в котором маститый писатель призвал Чехова бережней относиться к своему большому таланту.

И вот спустя десятилетие, в 1898 году,— снова душевный взлет, как следствие — плеяда блестящих рассказов: «Ионыч», «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», «Случай из практики», «По делам службы», «Душечка», «Новая дача».

В чем же причина такого нового творческого подъема? Объяснения этому нет до сих пор. Думаю, что причина в том высоком праздничном избытке сил, который дает человеку любовь.

Не случаен среди названных выше рассказ «О любви». Чеховым пройден путь от прелестной Мисюсь («Мисюсь, где ты?») до Анны Алексеевны Луганович. «Дама с собачкой» написана год спустя. От арифметики детской любви к геометрии любви поздней с ее треугольником.

На треугольнике построен рассказ «О любви» - чета Лугановичей и Алехин. В «Даме с собачкой» Чехов усложнил фигуру до многоугольника, введя в рисунок повествования и тех, кто стал невольным участником драмы.

В невозможности для героев рассказа достижения счастья ценой страдания других — детей в первую очередь — и кроется высокий нравственный потенциал.

Чехов показал историю любви двух людей, которые «любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, верные друзья». «Сама судьба предназначила их друг для друга». Рассказ слишком известен, чтобы его пересказывать. Но нельзя удержаться еще от одной цитаты: «...точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках». В этой фразе тот же резкий Чехов, что и в письмах братьям. Чувствуется не грусть, а острая боль. О такой боли нельзя написать понаслышке, ее надо испытать самому.

Что побудило Чехова к написанию этого пронзительного сказа? Были тут скрытые личные мотивы?

Полагаю, что были.

Оба рассказа — «О любви» и «Дама с собачкой» — возникли в конце десятилетия сложных отношений Антона Павловича Чехова с Лидией Алексеевной Авиловой.